

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна

ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Статья посвящена феномену постсоветского пространства как уникальной реальности современной мировой политики. Автор пытается обосновать своё видение данного феномена, следуя за логикой исторического процесса. Несмотря на наличествующий материал по теме, представления исследователей неоднозначны, и вопрос требует дальнейшего осмысления не только с точки зрения политических процессов, но и для формирования объективного мировоззрения граждан, которые некогда называли себя гражданами Советского Союза.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/4-2/4.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (42): в 2-х ч. Ч. II. С. 24-27. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Анисимов Ю. П., Греч А. Подмосковные музеи. Ольгово. Дубровицы. М. – Л., 1925. Вып. 4. 132 с.
2. Архив кн. Ф. А. Куракина: в 10-ти т. / под ред. М. И. Семеновского. СПб., 1890-1902.
3. Архив музея-заповедника «Дмитровский кремль». Ф. 72 (фонд А. И. Смирнова). Оп. 3.
4. Вдовин Г. Краткие тезисы к проблеме интерпретации семантики усадебного пространства и его мифологемы (на примере останкинского) // Искусствознание. М., 2003. № 2. С. 245-271.
5. Волкова Н. В., Павлова Т. Е. Ольгово. Дмитров, 2008. 33 с.
6. Гримм Г. Г. Проект парка Безбородко в Москве (материалы к изучению творчества Н. А. Львова) // Сообщения института истории искусств. М., 1954. Вып. 4-5. Живопись, скульптура, архитектура. С. 107-135.
7. Делиль Ж. Сады / пер. с фр. Л., 1987. 232 с.
8. Древесные растения парков Подмосковья / сост. М. С. Александрова, П. И. Лапин, И. П. Петрова и др. М., 1979. 238 с.
9. Евангулова О. С. Художественная «вселенная» русской усадьбы. М., 2003. 304 с.
10. Кириченко Е. И. Запечатленная история России. Моноументы XVIII – начала XX века. М., 2001. Кн. 1. 380 с.; Кн. 2. 346 с.
11. Лакомб де Презель О. Иконологический лексикон, или Руководство к познанию живописного и резного художеств, медалей, эстампов и проч. / перев. с франц. И. Акимовым. СПб., 1763. 344 с.
12. Лем И. Начертание древних и нынешнего времени разнородных зданий, как то храмов, домов, садов, статуй, трофеев, обелисков, пирамид и других украшений: в 7-ми ч. СПб., 1803.
13. Милтон Дж. Потерянный рай. Возвращенный рай. Другие поэтические произведения. М., 2006. 860 с.
14. Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ. Ф. 11. Оп. 33.
15. Нащокина М. В. Русские сады: XVIII – первая половина XIX века. М., 2007. 256 с.
16. Полякова Г. А. Флора и растительность старых парков Подмосковья. М., 1992. 225 с.
17. Серов Н. В. Античный хроматизм. СПб., 1995. 478 с.
18. Теория составления и украшения ландшафтных и разного рода садов. М., 1831. 286 с.
19. Швидковский Д. О. Псевдоготика в русской архитектуре 1770-1780-х, ее английские источники и западноевропейские аналогии // Архитектурное наследие. М., 2001. № 44. С. 136-146.
20. Verdy du Vernois. Hommage à la Vertu guerrière ou éloges de quelques-uns des plus célèbres officiers François qui ont vécu et qui sont morts sous le règne de Louis XV. 1779. 204 p.

“STATE” AND “PRIVATE” IN SEMANTIC PROGRAMME OF THE APRAKSINS’ MANOR PARK OLGOVO

Basova Irina Gennad'evna
Lomonosov Moscow State University
Nika3410@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the semantic structure of the Apraksins' manor park Olgovo, which was created in the last quarter of the XVIII – at the beginning of the XIX century. The park space organically combined the elements in its structure, some of which allegorically narrated about the owner's heroic merits to the Fatherland, while others could tell the visitor about the privacy of the manor owner. Close intertwining of these elements created unique environment, in which a particular owner's multi-faceted personality was represented. The topicality of the work is in the fact that it for the first time considers the semantics of the park of just this manor, which is an example of the wealthy nobleman's grand residence.

Key words and phrases: the Apraksins; Olgovo; semantics of manor park; landscape park; perpetuation of military victories; journey through the park.

УДК 327

Политология

Статья посвящена феномену постсоветского пространства как уникальной реальности современной мировой политики. Автор пытается обосновать своё видение данного феномена, следуя за логикой исторического процесса. Несмотря на наличествующий материал по теме, представления исследователей неоднозначны, и вопрос требует дальнейшего осмысления не только с точки зрения политических процессов, но и для формирования объективного мировоззрения граждан, которые некогда называли себя гражданами Советского Союза.

Ключевые слова и фразы: постсоветское пространство; интеграция; феномен; новый миропорядок; СССР; трансформация; конфликты; международные отношения.

Бахтуридзе Зейнаб Зелимхановна, к. полит. н.
Институт специальной педагогики и психологии
zeinabb1000@list.ru

ОПЫТ ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА ©

Предостережения Джузеппе Боффа относительно последствий развала СССР («От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964-1994»). М., 1996 г.) оказались пророческими. Автор утверждал, что после распада

СССР неминуемо последует обострение этнических конфликтов и вооруженных столкновений между различными республиками бывшего Союза, а также внутри каждой из них. Россия не сможет отказаться от своих интересов на постсоветском пространстве. Не останутся в стороне и другие страны, ведь «все территории бывшего Союза, вовлеченные ныне в кровавые столкновения или конфликты, чреватые войнами, являются одновременно регионами значительных природных и энергетических ресурсов, минерального сырья, которые интересны многим» [2]. Итальянский историк был уверен, что «все крупные государства, граничащие с территориями бывшего СССР, будь то Турция или Иран, Китай или Япония, не могут оставаться равнодушными к судьбе этих территорий... не могут проявлять равнодушия и более далекие страны, такие как те же Соединенные Штаты или европейские державы. Правда, — и многие подчеркивают это — ныне для решения этих проблем нет необходимости вводить войска и занимать территории. Куда более эффективны движения капиталов. И все-таки трудно оставаться спокойными, веря, что процессы такого масштаба могут проходить без применения средств насилия и только мирным путем» [Там же]. Действительно, борьба за доступ к ресурсам в условиях очевидной слабости и незрелости структур новых государств стала серьезной проблемой.

Ещё тогда, в 1994 году Дж. Боффа отмечал, что намечаются драматические международные противоречия, а коль скоро эти противоречия «пересекутся с этническими и национальными конфликтами», то последует неизбежный взрыв. Одно из таких противоречий исследователь связывал с «намерением Североатлантического альянса поглотить все страны Центральной и Восточной Европы вплоть до границ, которые несколько лет назад были границами Советского Союза» [Там же]. Мы, современники, можем свидетельствовать: к сожалению Джузеппе Боффа оказался прав, его худшие опасения оправдались.

Возвращение к событиям прошлого, дабы понять и объяснить закономерность происходящего ныне, вызывает бесконечные дискуссии и яростные споры, приводящие порой к трагическим результатам. Переписывание истории — явление отнюдь не новое, как известно, «мифологизация значимых для нации исторических событий создает новую историческую действительность» [3, с. 48]. При этом, «искажение, фальсификация,... отсутствие особого критического осмысления триады — география-история-мировая политика», отказ от поиска взаимоприемлемых оценок прошлого, одностороннее прогнозирование будущих векторов политики без учёта взвешенных характеристик пережитого в былые времена — всё это отягощает межгосударственные отношения, привносит немало трудностей в гуманитарное и духовное взаимодействие стран и народов...» [10, с. 114].

Постсоветское пространство — уникальный феномен, поэтому, несомненно, существует необходимость его объективного изучения и исследования.

Сам термин «пространство» неоднозначен. В широком смысле слова «пространство» — свойство реальности, выражающееся в ее протяженности, структурности, сосуществовании и взаимодействии ее элементов. В более узком смысле, в частности, с позиции геополитики, пространство является не количественной, но качественной категорией, и структура пространства предопределяет структуру политической истории.

Есть мнение, согласно которому термин «постсоветское пространство» не несёт в себе никакой содержательной характеристики, используется просто как определение территории бывшего Союза.

В своём геополитическом прогнозе (1997 г.) А. С. Панарин отмечал, что «постсоветское пространство — это геополитическое поле, оно обладает рядом особых качеств, в частности, оно защищено системой явного или неявного протекционизма» [6].

Существует крайне резкая критика применения термина «постсоветское пространство». Например, бывший министр иностранных дел Великобритании (2007-2010 гг.) Дэвид Милибанд считал, что «Россия пытается использовать концепцию, так называемого — «постсоветского пространства»», тем самым демонстрируя свои права на эту территорию. В интервью Би-би-си Милибанд подчёркивал, что России пора перестать думать о себе как о пережитке Советского Союза [5].

Насколько объективно отрицание факта существования постсоветского пространства? Как минимум это территория, которую занимают республики, входившие ранее в состав СССР. Факт существования постсоветского пространства вовсе не противоречит утверждению господина Милибанда о том, что «Украина, Грузия и другие... — это независимые суверенные страны, обладающие собственным правом территориальной целостности» [Там же]. Взгляд на действительность сквозь призму идеологической борьбы иногда серьёзно затмевает свет истины.

Если СССР можно было назвать советским пространством, то теперь это пространство, которое ранее занимала распавшаяся держава, вполне может именоваться постсоветским, т.к. движение истории определяет отношение между временем и пространством. Материя сохраняет своё состояние в пространстве, подвергаясь при этом изменениям под воздействием времени.

Можно, конечно, предложить другой термин для территорий, входящих ранее в состав СССР, но это не изменит факта существования этих территорий.

Многие из бывших союзных республик, пытаясь «убежать» от советского прошлого, стараются найти новые пути развития, делая акцент на интеграцию в европейское сообщество, на приобщение к западным ценностям. Эти попытки связаны также с желанием преодолеть негативные последствия как существования в рамках Советского Союза, так и распада этой мощной сверхдержавы. Данное явление получило название «постсоветский синдром» [1, с. 21]. Авторы этого термина предсказывают логическую неизбежность объединения на огромном постсоветском пространстве, т.к. необходимость именно такого рода консолидации отвечает современным реалиям [Там же, с. 23].

Постсоветские государства, несмотря на национальную специфику, имеют много общих черт, а также ряд проблем, связанных со становлением и укреплением государственности.

Наиболее актуально и значимо сейчас то, какие тенденции окажутся сильнее в пределах постсоветского пространства: интеграционные или дезинтеграционные? То есть возникает необходимость определить потенциальную устойчивость взаимоотношений большинства постсоветских республик как одной из локальных систем современных международных отношений.

После распада советской системы регионы постсоветского пространства стали форсировать прямые контакты со странами Запада, Ближнего Востока, с Турцией. Тот факт, что эти попытки стали осуществляться в обход России, вполне объясним и понятен и может вызвать разве что сожаление об утраченных связях и доверии, но то, что эти попытки идут вразрез с законами геополитики (в частности, с законом усиления пространства), вызывает реальные трудности и кризисные состояния, которые мы наблюдаем.

Базовыми принципами геополитики являются не столько вариативные факторы, меняющиеся вместе с прогрессом, сколько некоторые «инварианты», связанные со статусом государства в географическом измерении. Независимость коллективных субъектов (народов и государств) от географического пространства может возрасти в перспективе прогресса, но она никогда не становится полной: география – это такой тип наследственности, который можно облагородить, но нельзя полностью изменить [6].

Любопытно, что события 1991 года называют нецивилизованным разводом между Россией и странами, входящими ранее в состав СССР. Употребление данного сравнения не кажется случайным. Слово «развод» также неоднозначно, как и те события, которые происходили и происходят на былых просторах Советского Союза. С одной стороны, явно видится связь с распадом некогда большой и, казалось бы, дружной семьи. Действительно, одной из особенностей подобных ситуаций является обращение к прошлым обидам, которые не могут быть забыты сторонами, отсюда бесчисленные упреки и поиск виновных.

Можно говорить о разводе мостов, в результате которого рухнули не только политические связи, но в ряде случаев культурные и экономические. Эти потери не просто велики, они невозможны. В том числе это жизни, прожитые и растроченные на бессмысленные метания под лозунгами тех, кто оказался на политическом олимпе.

Развод как синоним слова «мошеничество» заставляет задуматься о принципах мировой политики и закулисных играх международных отношений.

Государства, особенно на постсоветском пространстве, имеют не простую историю взаимоотношений. Прошлое вызывает бесконечные дискуссии и яростные споры, приводящие порой к трагическим результатам. Обращение к истории, дискредитация исторической реальности на всех уровнях, поиск в ней новых и новых аргументов, способных оправдать любые политические решения, – всё это стало излюбленным оружием наших современников.

Возникает парадокс, с одной стороны, прошлое нас объединяет, а с другой – оно, вернее его бесконечные интерпретации с разных позиций, вбивает клин раздора и недоверия. В то время как в очертаниях грядущего мы угадываем неизбежность объединения. Может быть, настало время прекратить битву за прошлое и строить настоящее, опираясь на картину желаемого будущего? Это одно из необходимых условий интеграции на постсоветском пространстве.

Используя термины синергетики, следует отметить, что после распада СССР постсоветское пространство оказалось в процессе нестабильности и становления нового качества. Соответственно, субъекты взаимодействия оказались в состоянии бифуркации. Как известно, «итог процесса зависит от запаса инерционных сил старой системы и от соотношения их с силами, возникшими в результате бифуркации» [4, с. 66].

Синергетика со всей очевидностью свидетельствует, что для сложных систем, как правило, существует несколько альтернативных путей развития и характерно отсутствие жёсткой предопределённости. Любопытно, что настоящее состояние системы определяется не только её прошлым, но и формируется из будущего, в соответствии с грядущим порядком, основы которого закладываются сегодня. Синергетика позволяет утверждать, что природа политических кризисов многогранна, а политика как многоуровневая система весьма восприимчива к резонансным явлениям. Согласно утверждениям И. Пригожина, «понимание общих принципов организации эволюционного целого имеет большое значение для выработки правильных подходов к построению сложных социальных, геополитических целостностей, к объединению стран, находящихся на разных уровнях развития, в мировое сообщество» [8, с. 18].

Пытаясь ответить на вопрос о том, что же победит, логика распада или логика единения, мы осознаём, что для выживания, сохранения своей целостности и идентичности в эпоху трансформирующейся реальности, в период очередного кризиса цивилизации необходима интеграция, диалог культур, взаимодействие во всех сферах и на всех уровнях. Взаимодействие во имя достижения общих целей и задач, и здесь не должно быть места поиску виноватых, приклеиванию ярлыков, переписыванию истории. Инстинкт выживания не чужд субъектам мировой политики и международных отношений. «Спрятаться и изолироваться в евразийском пространстве негде; оно ставит народы, его населяющие, перед дилеммой: либо тесный союз и общность исторической судьбы, либо нескончаемая вражда» [6].

Формирование нового мирового порядка «способно стать результатом лишь объединённых усилий большинства членов мирового сообщества. Такая трансформация потребует радикальной перестройки международных отношений, самого сознания политических элит и социумов» [9, с. 163].

Путь от «принудительного униформизма старой биполярной модели к будущей качественно новой интеграции» лежит «через промежуточный этап более или менее продолжительной диверсификации этносов, пытающихся достичь идентичности через обособление» [7, с. 109].

На пути к миру, согласию и единению множество миражей отвлекают нас от нашей цели, которая начинается с осознания того, что все мы – жители одной планеты.

Список литературы

1. **Бадалян Л., Криворотов В.** До Запада далеко. Грузия в Евразии – миф или отложенная реальность? // Однако. 2012. 1 октября. С. 20-24.
2. **Боффа Дж.** От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964-1994 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://scepis.net/library/id_894.html (дата обращения: 30.01.2014).
3. **Герман Р. Э.** Историческое прошлое в структуре политического мифа: анализ теоретического наследия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (37). С. 46-49.
4. **Данакари Р. А.** Этническое бытие как проблема политической философии: опыт теоретико-методологического исследования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20): в 2-х ч. Ч. II. С. 63-69.
5. **Милибанд Д.** Лондон: постсоветского пространства больше нет [Электронный ресурс]. URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/russian/international/newsid_7558000/7558484.stm (дата обращения: 31.01.2014).
6. **Панарин А. С.** В каком мире нам предстоит жить? Геополитический прогноз, сделанный в 1997 году [Электронный ресурс]. URL: http://derzava.com/art_desc.php?aid=277#ixzz26ZBgr3kJ (дата обращения: 10.02.2014).
7. **Панарин А. С.** Философия политики. М.: Новая школа, 1996. 424 с.
8. **Пригожин И.** Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 3-19.
9. **Сирота Н. М.** Глобальный миропорядок: акторы и тренды становления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. I. С. 157-164.
10. **Ягья В. С.** Мир и Россия в начале второго десятилетия XXI века // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке: ежегодный альманах. СПб.: СПбГУ, 2013. Вып. 6. С. 56-134.

EXPERIENCE OF UNDERSTANDING PHENOMENON OF POST-SOVIET AREA

Bakhturidze Zeinab Zelimkhanovna, Ph. D. in Political Sciences
Institute of Special Pedagogy and Psychology
zeinabb1000@list.ru

The article is devoted to the phenomenon of post-soviet area as a unique reality of modern international politics. The author makes an attempt to substantiate her view of this phenomenon following the logic of historical process. Despite the existing material on the topic the beliefs of scientists are ambiguous, and the issue should be investigated further not only from the point of view of political processes but also to form the objective world view of the citizens, who once called themselves the citizens of the Soviet Union.

Key words and phrases: post-soviet area; integration; phenomenon; new world order; the USSR; transformation; conflicts; international relationships.

УДК 930(25)

Исторические науки и археология

Дана краткая характеристика системе образования Ставропольского края перед началом немецко-фашистской оккупации в годы Великой Отечественной войны. На основе архивных материалов, сборников документов изучено состояние системы школьного образования края при немецком «новом порядке». Рассматривается проблема организации школьного обучения и работы учителей на территории Ставропольского края в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 г. – январь 1943 г.).

Ключевые слова и фразы: немецко-фашистская оккупация; образование; школа; Великая Отечественная война; оккупированная территория; учительство; немецкая власть; «новый порядок».

Бобрышева Юлия Константиновна

Тамбовский государственный технический университет
wiki5102006@mail.ru

**ШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ В ПЕРИОД
НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ (АВГУСТ 1942 Г. – ЯНВАРЬ 1943 Г.)[©]**

Отечественная система образования полностью ощутила на себе все трудности военного времени. Начало Великой Отечественной войны привнесло изменения в её деятельность. Для существования системы образования период оккупации являлся самым трудным.

К началу Великой Отечественной войны на территории Ставропольского края были достигнуты значительные успехи в области народного образования. Основная работа по ликвидации неграмотности завершилась уже в 1940 г. К маю 1940 г. в г. Пятигорске к категории грамотных граждан были отнесены последние 1350 человек. В крае все дети с восьмилетнего возраста учились в школах [6, с. 235-236].

До немецкой оккупации в Ставропольском крае работало 1648 школ. Из них начальных – 1100, неполных средних – 352, средних школ – 196, с общим числом учащихся – около 280 тысяч человек. Школы были